

СОБИРАТЕЛЬ РУСИ

ВАСИЛИЙ III
И ПУТЬ К ЕДИНОЙ ДЕРЖАВЕ

и
Юлия Становская

Юлия Становская

**Собиратель Руси: Василий
III и путь к единой державе**

«Автор»

2026

Становская Ю.

Собиратель Руси: Василий III и путь к единой державе /
Ю. Становская — «Автор», 2026

Как разрозненные земли становятся державой — и почему взятый город ещё не означает победы? На рубеже XVI века Москве приходилось договариваться, подчинять и защищать приобретённое от соседей. Василий III унаследовал не готовую державу, а задачу укрепить власть. Присоединение Пскова и Рязани, борьба за Смоленск и поражение под Оршей показывают: территориальный успех не гарантирует политической победы. Государство держалось на наместниках, служилых людях, церкви и повседневных обязанностях. А придворные интриги, кризис престолонаследия и рождение наследника могли изменить будущее всей Руси. Для читателей, которым важно понять истоки российской государственности без мифа о мгновенном объединении. Перед вами история сильной, но ещё уязвимой державы — и правителя, оставившего наследникам не завершённый проект, а непростое наследство. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Становская Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Русь на пороге XVI века: княжества, уделы и борьба за первенство	6
Наследник Ивана III: двор, семья и кризис престолонаследия	10
1505 год: Василий III принимает власть и наследство отца	14
Собирать земли: присоединение Пскова, Рязани и упразднение уделов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юлия Становская

Собиратель Руси: Василий III и путь к единой державе

Собиратель Руси: Василий III и путь к единой державе

Юлия Становская

Русь на пороге XVI века: княжества, уделы и борьба за первенство

Представьте московского гонца около 1500 года. В сумке у него грамота великого князя, за плечами — сотни вёрст, впереди — дорога к Новгороду, Пскову или Смоленску. На современной карте он провёл бы пальцем по одной стране. Но его путь пересекал бы земли, где власть Москвы ощущалась по-разному: в одном городе великий князь назначал наместника, в другом договаривался с местными властями, в третьем его грамоту могли признать лишь после торга, а за западной границей начиналась земля другого государя.

Карту Руси на рубеже XVI века нельзя раскрасить одним цветом и сказать: вот единая держава. Это была мозаика княжеств, городов, уделов и пограничных областей, связанных с Москвой неодинаково крепко. Где-то московская власть уже стала повседневным порядком. Где-то она оставалась верховенством, которое требовало подтверждать договором, браком, угрозой похода или обещанием защиты. А некоторые земли, близкие Москве языком, верой и исторической памятью, подчинялись великому князю литовскому.

Именно поэтому объединение Руси было не мгновенным событием и не простым присоединением окрашенных на карте пятен. Это был долгий спор о том, кто вправе судить, собирать доходы, ставить князей, требовать военную службу и говорить от имени земли.

Карта не с границами, а с узлами власти

Чтобы понять политическую географию эпохи, полезно различать несколько понятий. Великий князь был старшим правителем в династической иерархии и обладателем власти над собственными землями. Но его старшинство не всегда означало одинаковый контроль над всеми соседями. Один князь мог быть его союзником или родственником, другой — вассально зависимым правителем, третий — соперником, готовым искать поддержку у Литвы.

Уделом называли территорию, выделенную князю из владений династии. Удельный князь обладал собственным двором, доходами и правами управления, хотя его самостоятельность могла быть ограничена соглашениями с великим князем. Это не были ни современные губернии, ни независимые государства в нынешнем смысле. Границы полномочий часто определялись не общей схемой, а конкретной грамотой, родственным договором и соотношением сил.

И «вассальная зависимость» не всегда означала один и тот же набор обязанностей. Она могла включать военную помощь, признание старшинства великого князя, выплату доходов или отказ от самостоятельной внешней политики. В одном случае зависимый правитель сохранял значительную часть внутреннего управления; в другом московский князь вмешивался в дела его двора и решал, кто займёт престол. Поэтому, рассматривая карту, лучше задавать не один вопрос — «чья это земля?», — а несколько: кто правит на месте, кто собирает доходы, кто вершит суд и кто определяет, с кем земля воюет.

От Москвы к северу: завоёванная свобода и сохранённая память

Начнём мысленный маршрут в Москве. Здесь сосредоточивались двор великого князя, приказная деятельность его окружения, военная сила и растущие доходы. Москва уже не просто один из сильных городов Северо-Восточной Руси: она становилась центром, к которому тянулись князья, служилые люди и те, кто искал покровительства. Однако даже сильный центр не мог мгновенно превратить свои владения в пространство с одинаковыми законами и управлением.

Первой большой точкой нашего пути будет Новгород. Ещё недавно он жил собственной политической жизнью, опирался на вече, выборные должности и влиятельные боярские группировки. Для новгородцев Москва была не только защитником от внешней опасности, но и претендентом на власть. Для Ивана III самостоятельность Новгорода означала, что огромная

торговая земля с важными ресурсами и выходом к северным путям может проводить политику, не совпадающую с московской.

После поражения новгородцев на реке Шелони в 1471 году пространство для манёвра города сузилось. В 1478 году Новгород был окончательно подчинён Ивану III. Вечевой колокол увезли в Москву: это был не просто предмет, а зримый знак того, что прежний политический голос города лишён самостоятельной силы. Были упразднены ключевые органы старого управления, часть влиятельных семейств переселили, а их земли перераспределили. Но Новгород не исчез: его хозяйство, торговые пути и местные особенности продолжали жить. Москва подчинила город, не стерев в один день всё, что делало его особенным.

Севернее и западнее лежал Псков — важный пример иной формы зависимости. Около 1500 года он сохранял вече, выборных посадников и собственные судебные обычаи. В то же время его оборона и внешняя политика всё теснее связывались с Москвой; князей для службы в Пскове направлял великий князь. Для местных жителей это не выглядело как полное исчезновение своего порядка, но пространство самостоятельного решения постепенно сокращалось. Псков будет присоединён к Москве только в 1510 году, уже при Василии III. Разница между судьбой Новгорода и Пскова показывает: подчинение могло быть резким, а могло растягиваться на годы и десятилетия.

На юго-запад: родство, договоры и подвижная граница

Теперь повернём к Рязани. Она лежала на южном направлении, у важной речной и военной границы, и сохраняла собственную княжескую власть. Связь с Москвой здесь строилась не только на угрозе силы: значили династические браки, договоры, взаимные обязательства и участие Москвы в делах княжеского дома. Рязанский князь мог быть близким родственником московского государя, но родство не отменяло политических интересов. Даже союзник сохранял причины торговаться за свободу действий.

Рязань — наглядный пример того, что близость к Москве ещё не означала включения в её владения. Василий III присоединит её лишь в 1521 году. Значит, в год смерти Ивана III и вступления его сына на престол южная граница московской власти всё ещё проходила не по краю владений, а по меняющемуся полю отношений.

Дальше на запад — Смоленск. Около 1500 года он принадлежал Великому княжеству Литовскому. Литовское государство включало обширные земли с русским населением, православной верой и письменной традицией, близкой восточнославянским княжествам. Политическая граница не совпадала с границей языка или веры. По одну её сторону находился великий князь московский, по другую — великий князь литовский, а жившие там люди могли считать себя наследниками общей русской истории.

Иван III настойчиво расширял своё влияние на запад, в том числе заявляя права на земли, которые считал частью наследия Руси. Войны и договоры меняли границу. Перемирие 1503 года передало Москве ряд территорий, но Смоленск остался за Литвой — до взятия его Василием III в 1514 году. Такова была реальная работа «собирания»: не линия, проведённая раз и навсегда, а череда походов, перемирий и новых споров о том, кому принадлежит город и чьё право признают его жители.

При этом не следует переносить на ту эпоху представление о едином национальном государстве в современном смысле. Люди были связаны верой, языком, родством, службой и памятью о прежних княжеских центрах, но эти связи не превращали их в граждан одного государства с одинаковыми институтами. Средневековая политическая принадлежность была многослойной. Один человек мог быть подданным князя, жителем города со своими обычаями и участником церковного сообщества, чьи связи выходили далеко за пределы княжеских владений.

Восток и степь: пределы московской силы

Мысленный маршрут из Москвы ведёт также к Казани и степным рубежам. Здесь московская власть не могла действовать так же, как в Твери или Новгороде. Казань оставалась отдельным ханством, хотя Иван III стремился влиять на её политику. После похода 1487 года Москва добилась утверждения в Казани зависимого от неё хана. Но Казань не стала московским уездом: ханство сохраняло собственную власть, а отношения с ним могли меняться.

На юге и юго-востоке приходилось считаться с крымскими татарами и наследниками Орды. Стояние на Угре в 1480 году стало символической точкой разрыва прежней ордынской зависимости Москвы. Но оно не отменило степной опасности и необходимости вести дипломатические переговоры, искать союзников и готовиться к набегам. Военная угроза не исчезала оттого, что Москва добилась большего политического веса.

Отсюда важное наблюдение: влияние Москвы росло не одинаково во всех направлениях. Одни соседи были включены в её владения, другие сохраняли собственную власть, но зависели от московской поддержки, третьи оставались равными соперниками или опасными противниками. Карта показывала не столько готовое государство, сколько сеть отношений, в которой каждый узел имел свою прочность.

Как Иван III укреплял центр

Иван III изменил масштаб московской власти. Присоединение Новгорода, подчинение Твери в 1485 году и расширение влияния на другие княжества укрепили центр. Но важно не только то, сколько земель оказалось под властью Москвы. Важнее, что государь всё увереннее решал, кто и на каких условиях может править, служить и собирать доходы.

При этом внутри самой московской династии сохранялись уделы. Князья получали собственные земли и могли опираться на отдельные дворы и доходы. Иван III стремился ограничить их самостоятельность, особенно когда она превращалась в угрозу единству власти. Судьба его брата Андрея Большого, князя углицкого, стала показательна: в 1491 году тот был заключён под стражу и умер в заключении. Династическое родство больше не гарантировало неприкосновенности, если великий князь видел в родственнике политического соперника.

Но Москва не могла повсюду управлять непосредственно. Для сбора доходов и исполнения распоряжений требовались местные служители, а управление во многих местах оставалось связано с привычными порядками и личными договорённостями. В одних землях прежняя княжеская власть исчезала, в других сохранялись местные органы, в третьих менялись главным образом обязанности перед великим князем. Власть на месте означала разное — от назначения наместника до признания московского старшинства при сохранении собственного суда и повседневного устройства.

При Иване III предпринимались и шаги к общим правилам. Судебник 1497 года закрепил важные нормы для растущего государства и обозначил стремление великокняжеской власти упорядочить суд. Он не сделал все земли одинаковыми и не отменил местных особенностей. Но сам факт появления общегосударственного законодательного свода показывал, что Москва стремилась не только владеть территориями, но и создавать для них общий порядок.

Военная сила тоже не была единым постоянным войском современного типа. Великий князь опирался на княжеские дружины, бояр, служилых людей, городские силы и ресурсы подчинённых земель. Чтобы призвать воинов, требовались договоры, служебные обязанности и способность государства обеспечить управление. А чтобы содержать двор и вести походы, нужно было собирать доходы — с земель, торговли, пошлин и зависимых областей. Именно поэтому контроль над городом или путём был не просто политическим жестом: он давал ресурсы, необходимые для следующего расширения власти.

Практика чтения средневековой карты. Выберите любой город на политической карте около 1500 года и задайте четыре вопроса:

1. Кто назначает или признаёт правителя?
2. Кто собирает основные доходы?

3. Кто вершит суд и на каких обычаях?

4. Кто решает, выступит ли земля на войну и с кем заключит мир?

Не спешите отвечать одним словом — «Москва» или «Литва». Возможно, правитель будет местным, суд — основанным на старом обычае, доходы — частично московскими, а внешняя политика — ограниченной договором. Так карта превращается из набора цветных пятен в изображение реальных отношений власти.

Второе упражнение — сравнение трёх точек маршрута. Поставьте рядом Новгород, Псков и Рязань. В Новгороде самостоятельное вечевое управление было ликвидировано; Псков ещё сохранял свои институты, но зависел от Москвы в вопросах обороны и внешней политики; Рязань оставалась княжеством, связанным с Москвой родством и договорённостями. Спросите себя: в каком из этих случаев власть изменилась быстрее, а где прежний порядок дольше сохранял значение? Такой подход помогает увидеть, что присоединение — не всегда одна дата и не всегда одинаковое событие.

К концу правления Ивана III Москва стала несомненным центром силы. Однако сила центра ещё не означала завершённости политической конструкции. На карте около 1500 года рядом существовали непосредственно подчинённые земли, княжества с ограниченной самостоятельностью, союзные правители и владения соперников. Псков ещё не был присоединён, Смоленск оставался литовским, Рязань сохраняла своего князя, а уделы внутри московской династии напоминали, что власть великого князя могла оспариваться не только извне, но и внутри собственного дома.

Такую Русь и получил Василий III: с сильной Москвой, расширившимися пределами и новыми средствами управления — но без единообразных границ и правил, без окончательно решённого вопроса о наследовании власти. Иван III собрал многое, однако оставил сыну не законченное здание, а строение, в котором ещё предстояло укреплять стены, разбирать старые перегородки и решать, кому достанется ключ от главных ворот.

Наследник Ивана III: двор, семья и кризис престолонаследия

В начале 1498 года в Успенском соборе Москвы совершили обряд, который, казалось, должен был дать ответ на вопрос о будущем державы: Иван III публично возвысил своего внука Дмитрия, сына покойного Ивана Молодого. Но всего через несколько лет Дмитрий оказался под стражей, а наследником был признан другой человек — Василий, сын Ивана III от второго брака. Один и тот же великий князь сначала обозначил одну линию наследования, а затем выбрал другую.

В этом повороте — не только семейная драма. Перед нами экзамен для государства, которое быстро расширяло свои владения, но ещё не выработало единственного, безусловного и всем понятного способа передавать верховную власть. Кому должна принадлежать Москва: сыну умершего старшего наследника или живому сыну правящего государя? Ответ зависел не от одной родословной. На него влияли возраст, положение при дворе, поддержка приближённых и решение самого Ивана III.

Две линии одного дома

Первая линия начиналась с брака Ивана III и Марии Борисовны Тверской. Их сын Иван, прозванный Молодым, родился в 1458 году. Он был старшим сыном великого князя и долгое время — естественным продолжателем его дела. В 1483 году Иван Молодой женился на Елене, дочери молдавского господаря Стефана III. Этот брак имел не только семейное значение: он укреплял связи Москвы с важным соседом. В том же году у супругов родился сын Дмитрий.

Вторая линия возникла после брака Ивана III с Софьей Палеолог. Она прибыла в Москву в 1472 году. Её происхождение — из византийского императорского дома — придавало браку особый символический вес, хотя само по себе не давало её детям права на московский престол. Старшим сыном Софьи был Василий, родившийся в 1479 году.

Линия наследования

Участники

Что усиливало положение

Ключевой перелом

Старшего сына

Иван III и Мария Тверская; Иван Молодой (1458–1490); его сын Дмитрий (1483–1509)

Иван Молодой был старшим сыном и деятельным участником политики отца; Дмитрий продолжал его линию

После смерти отца Дмитрия Иван III возвысил внука в 1498 году

Сына от второго брака

Иван III и Софья Палеолог; их сын Василий (1479–1533)

Василий был живым сыном правящего великого князя и старшим среди сыновей Софьи

В 1502 году Иван III выдвинул Василия и заключил Дмитрия с матерью под стражу

Таблица показывает основу спора, но не выдаёт готового решения. Дмитрий был внуком государя, зато сыном старшего наследника. Василий был младше Ивана Молодого, но являлся сыном самого Ивана III. В позднейшие эпохи можно было бы искать простое правило — например, старшинство по прямой линии или преимущество живого сына. Для Московского государства конца XV века такого бесспорного правила не существовало.

Наследование было не машиной с одной кнопкой, а узлом из нескольких веревок. Родство задавало права, но государь мог публично обозначить преемника; двор мог поддержать или ослабить его; церемония делала решение видимым, но не обязательно необратимым. Власть приходилось не только получить — её нужно было признать.

Смерть наследника

Иван Молодой умер в 1490 году. Ему было около тридцати двух лет. Его смерть резко изменила положение Дмитрия: мальчик потерял не просто отца, а человека, чьё старшинство придавало его линии политическую опору.

Летописная традиция рассказывает, что Ивана Молодого лечил врач Леон, прибывший из Венеции, и что после неудачного лечения врач был казнён. Этот эпизод говорит о напряжении, которым сопровождалась болезнь наследника, и о суровости двора. Но он не доказывает, что Ивана отравили. Попытки уверенно связать его смерть с заговором Софьи или конкретной придворной группой выходят за пределы того, что можно надёжно установить.

У Дмитрия был важный защитник — его мать Елена. Её происхождение связывало московский двор с Молдавией, а положение вдовы старшего сына могло объединять вокруг неё людей, чьи интересы зависели от сохранения этой линии. Но нельзя представлять Елену как главу готовой политической партии в современном смысле. Двор состоял из личных связей, служебных обязательств, родственных уз и соперничества за близость к государю. Эти связи могли складываться в группировки, но не обязательно подчинялись единому плану.

Василию было около одиннадцати лет, когда умер Иван Молодой; Дмитрию — примерно шесть или семь. Ни один из них тогда не был самостоятельным правителем. Однако за каждым стояла разная версия будущего. Если наследовать должен был сын старшего сына, преимущество принадлежало Дмитрию. Если решающим считалось наличие живого сына у государя, сильнее выглядел Василий.

Для Ивана III это был не отвлечённый спор о родословной. Его государство расширялось, подчиняло новые земли и взаимодействовало с сильными соседями. Передача власти могла нарушить равновесие, на котором держались служба, управление и отношения между княжеским домом и знатью. Преемник должен был унаследовать не только титул, но и сложную систему обязанностей и ожиданий.

Сначала — Дмитрий

В конце XV века положение Дмитрия оказалось настолько сильным, что в 1498 году Иван III провёл в Успенском соборе торжественный обряд его возвышения как великого князя. Это был публичный знак: внук не просто оставался членом семьи, а занимал особое место в государственном будущем.

Но обряд не превращал его положение в неотменимое. Иван III продолжал править, а значит, оставался центром принятия решений. В Московском государстве ещё не существовало такого механизма престолонаследия, который связывал бы руки действующему государю независимо от его воли. Церемония укрепляла статус Дмитрия, но не могла сама по себе устранить соперничающую линию.

Поворот к этому возвышению произошёл на фоне придворной тревоги. Летописные сообщения связывают с 1497 годом заговор некоторых влиятельных лиц, которых считали сторонниками Василия. В рассказах о деле фигурируют придворные интриги и стремление изменить порядок наследования. Однако детали, степень участия отдельных людей и тем более личная роль Софьи остаются предметом осторожного обсуждения. Летопись обычно яснее сообщает, кого наказали и какое решение приняли, чем объясняет, что именно каждый участник думал за закрытыми дверями.

Софью легко превратить в героиню дворцового триллера: амбициозная мать, тайные сообщники, борьба за сына. Такая картина эффектна, но слишком проста. Она была матерью Василия, и его будущее, разумеется, имело для неё значение. Однако это ещё не доказатель-

ство, что все действия двора были частью её единого замысла. Приписывать ей безоговорочное управление решениями Ивана III — значит подменять источники позднейшим сюжетом.

То же относится к придворным и церковным связям. В исследованиях обсуждается связь сторонников Дмитрия и Елены с религиозными спорами конца XV века, в том числе с движением, которое противники называли «жидовствующими». Эти споры были реальны, но их нельзя без оговорок превращать в две чётко очерченные партии, каждая из которых имела своего кандидата на престол. Религиозные взгляды, родственные интересы и борьба за влияние могли пересекаться, но не всегда совпадали.

Практика чтения источников. Когда вы встречаете рассказ о заговоре, разделите его на три уровня:

1. Установленное событие: произошли наказания или изменился статус претендента.

2. Сообщение источника: хроника связывает участников с определённым замыслом.

3. Позднейшее объяснение: историк или рассказчик предполагает, кто стоял за действиями и зачем.

Такой разбор не убивает драму. Он делает её точнее: мы видим не всеведущего автора, а людей, действующих в условиях неполной информации.

Решение меняет направление

Около 1502 года Иван III сделал выбор в пользу Василия. Дмитрия и Елену заключили под стражу; Василий был выдвинут как наследник. Так линия сына от второго брака оттеснила линию старшего сына.

Почему Иван переменял решение? Источники позволяют обозначить возможные причины, но не дают бесспорного доступа к его внутренним мотивам. Возможно, важным было то, что Василий оставался сыном самого государя и был старшим из его сыновей. Возможно, Иван III счёл опасным оставлять после себя два центра законных притязаний: одного, поддержанного памятью о старшем наследнике, и другого, основанного на прямом отцовском выборе. Возможно, имели значение перемены в расстановке сил при дворе. Ни один из этих факторов нельзя считать единственным доказанным объяснением.

Важно и другое: к 1502 году Дмитрий уже не был маленьким ребёнком. Ему было около восемнадцати или девятнадцати лет; Василию — примерно двадцать два или двадцать три. Поэтому дело нельзя объяснить простой формулой «государь выбрал взрослого вместо беспомощного мальчика». Решение было прежде всего династическим и политическим. Иван III не просто оценивал способности молодых людей — он определял, какая ветвь семьи получит преимущество и кто станет центром лояльности после его смерти.

Василий получил наследство не как автоматическую награду за рождение. Его положение укрепило решение отца, но только после того, как это решение было принято и проведено в жизнь. Дмитрий имел собственное основание для притязаний: он продолжал линию старшего сына, уже однажды публично возвышался и не мог просто исчезнуть из политического расчёта. Заточение устранило его как соперника, но одновременно показывало, насколько серьёзным считался вопрос.

Для молодого Василия это был первый урок будущего правления: признание должно быть не только провозглашено, но и закреплено. За ним должны последовать служба двора, управление землями, отношения с братьями и выполнение обязательств, оставленных отцом. При жизни Ивана III решение ещё опиралось на его личный авторитет. После смерти государя Василию предстояло доказать, что этот авторитет можно превратить в собственную власть.

Как разбирать кризис наследования

Для читателя подобные истории полезно проверять по четырём вопросам:

• **Кровное право:** кем претендент приходился государю и какое место занимал в династии?

- **Публичное признание:** называли ли его преемником, возвышали ли перед двором и подданными?

- **Поддержка:** какие служилые, родственные и церковные связи могли укреплять его положение?

- **Исполнимость решения:** мог ли он после смерти правителя удержать управление и заставить разные группы признать новый порядок?

Применим эту проверку к двум кандидатам. Дмитрий обладал сильным основанием через отца и получил публичное возвышение в 1498 году. Василий был сыном живого правителя, затем был прямо выдвинут им и к концу жизни Ивана III стал главным наследником. Ни один пункт не работал отдельно. Именно сочетание родства, решения государя, положения при дворе и практической возможности управлять объясняет исход лучше, чем поиск одного тайного виновника.

В 1503 году здоровье Ивана III ухудшилось, и прежние решения становились всё важнее. Когда великий князь умер в 1505 году, Василий вступал во власть уже не как неизвестный претендент: его наследование было оформлено выбором отца. Но оно не было неизбежным от самого рождения и не отменяло необходимости утвердить новый порядок.

Итог этой династической драмы — не торжество заранее установленного закона и не победа всемогущей интриги. Иван III сначала возвысил внука Дмитрия, затем выбрал сына Василия. В этом переходе проявилась сила государя — и уязвимость системы, где личное решение правителя имело огромный вес, а бесспорного механизма передачи власти ещё не существовало. Василий получил Москву не просто по праву рождения: ему пришлось унаследовать решение, сделанное в борьбе, и превратить его в действующую власть.

1505 год: Василий III принимает власть и наследство отца

27 октября 1505 года умер Иван III. Для Василия, которому было двадцать шесть лет, это означало не просто перемену имени на княжеской печати. Ему достался огромный дом, но не дом с тихими комнатами и закрытыми дверями: одни земли уже подчинялись Москве, другие сохраняли собственные порядки, княжеские родственники имели свои уделы, а соседи внимательно следили за тем, насколько крепко новый хозяин держит ключи.

Иван оставил сыну сильную державу — и вместе с нею целый набор незавершённых задач. После его смерти нельзя было просто объявить: «Теперь всё решено». Требовалось, чтобы решение продолжало работать: чтобы князья признавали верховенство Василия, служилые люди собирались по его приказу, наместники управляли землями, а соседи считались с договорами, заключёнными при его отце.

Важно не подменять эту перемену власти знакомой нам картиной современной инаугурации. Источники не дают оснований придумывать подробности торжественной церемонии, похожей на современное вступление в должность. Точнее говорить так: после смерти Ивана III Василий принял великокняжескую власть, а его право на неё было подготовлено заранее — династическим решением отца и признанием московского двора. В 1505 году не начиналась история с чистого листа. Начиналась проверка того, насколько прочным оказался лист, написанный Иваном.

Наследство — это не только земля

Политическое наследство редко бывает единым предметом, который можно передать из рук в руки. В случае Василия оно состояло по меньшей мере из четырёх частей: территории, династического порядка, внешних отношений и управленческого аппарата. Каждая часть давала силу, но каждая же требовала укрепления.

Московские владения при Иване III заметно выросли. Под властью Москвы оказались Новгород и Тверь, были присоединены новые земли на западных рубежах. Однако объединение не означало, что все подчинённые территории сразу стали одинаковыми. Новгород уже находился под властью великого князя, но Псков сохранял особый порядок и собственные институты. Рязань оставалась отдельным княжеством. Влияние Москвы на Казань не превращало ханство в обычную московскую волость.

Это различие важно. Современный взгляд часто рисует границу сплошной чертой, а землю внутри неё — единым пространством под одним управлением. Для начала XVI века точнее представить сеть отношений: где-то власть великого князя была прямой, где-то опиралась на местные учреждения, где-то держалась на договоре, родстве или военной поддержке. Государь наследовал не только города и доходы, но и разную степень власти над людьми и территориями.

В династическом отношении положение Василия тоже было сильным, но не бесспорным в том смысле, будто предшествующие споры никогда не существовали. В 1498 году Иван III возвёл на великое княжение своего внука Дмитрия, сына умершего Ивана Молодого. В 1502 году решение переменялось: Дмитрий и его мать Елена были отстранены, а наследником стал Василий. К моменту смерти отца выбор уже был сделан, однако память о недавнем повороте не исчезла. Династическое решение должно было не только существовать на бумаге — его следовало поддерживать признанием двора и покорностью княжеской родни.

Братья Василия получили уделы. Это не делало их обычными служилыми людьми: у каждого оставались собственные владения, доходы и место в семейной иерархии. Их отношения с новым великим князем были поэтому не бытовой подробностью, а частью государственного

устройства. Власть Василия должна была быть верховной, но не могла от одного приказа стереть положение, которое сам порядок наследования признавал за его братьями.

Наконец, Иван оставил сыну не только земли и родственные обязательства, но и привычный двор: боярское окружение, дьяков, наместников, казённую и дворцовую службу. Управление держалось на людях, связях и повторяющихся процедурах, а не на безличном аппарате, который можно было бы просто получить в готовом виде. Если новый князь хотел, чтобы распоряжения исполнялись за пределами Москвы, ему требовалось сохранять работоспособность этой системы и при этом показывать, что теперь окончательное решение принимает он.

Баланс наследства

Удобно рассматривать это наследство не как готовую державу, а как четыре связанных участка работы.

Территория

Династия

Внешняя политика

Управление

Василий получил московское ядро владений и земли, уже подчинённые отцу. Новгород находился под властью Москвы, но Псков сохранял особый порядок, а Рязань оставалась отдельным княжеством.

Василий был заранее выбран наследником. Его братья сохранили уделы, а предшествующий спор с Дмитрием оставался недавней памятью двора.

Василию достались договоры, переговорные связи и незавершённые споры на западных рубежах. Влияние Москвы в Казани оставалось значительным, но не равнялось прямому управлению.

Он унаследовал княжеский двор, служилых людей, наместников и сложившиеся способы сбора доходов и исполнения приказов.

Укрепить требовалось верховенство Москвы там, где местные права и порядки сохраняли самостоятельность.

Нужно было удерживать братьев в установленной иерархии и делать так, чтобы выбор отца признавался не только формально.

Требовалось поддерживать договоры, реагировать на перемены у соседей и не путать прежнее влияние с гарантированным повиновением.

Следовало обеспечить непрерывность службы: чтобы решения нового князя проходили через людей и учреждения, созданные при старом.

Таблица показывает главное: право на власть и способность пользоваться властью — не одно и то же. Василий мог наследовать титул, но исполнение приказа зависело от того, признавали ли его князья, собирали ли войска воеводы, поступали ли доходы и соблюдали ли соседи договорённости. Власть становилась реальной, когда эти разные звенья работали вместе.

Осторожность — не слабость

Представим хозяина, которому достался большой двор с несколькими постройками. В одном доме всё устроено по его правилам, в другом живут родственники, а дальний участок огорожен общим забором с соседями. Если новый хозяин с первого дня начнёт ломать все замки, он может добиться шума, но не обязательно порядка. Сначала ему нужно понять, какие двери открываются ключом, какие — по уговору, а какие вообще заперты не изнутри.

Василий не получил возможности управлять страной, просто повторяя волю отца. Но и резкий разрыв с прежним порядком был бы рискованным. Иван III создал систему, в которой

власть великого князя возрастала постепенно, через присоединения, соглашения и подчинение прежних центров. Новому государю нужно было показать, что эта система переживёт своего создателя.

Это не значит, что Василий был пассивен. Скорее, его осторожность следует понимать как политическую задачу: укрепить верховенство, не разрушив сразу те отношения, на которых оно держалось. Удельные князья не исчезли в 1505 году. Псков не превратился в обычную московскую территорию. Рязань не перестала быть отдельным княжеством. Сам факт, что эти вопросы оставались открытыми, показывает: наследство было большим, но не завершённым.

Для управления требовались люди. Великий князь не мог лично находиться повсюду, собирать каждый платёж и разбирать каждую местную тяжбу. Приказы передавались через двор и служилых людей, на местах действовали наместники и волостели, а влиятельные князья и бояре имели собственные связи. Здесь легко ошибиться, представив начало XVI века как государство с одинаково устроенными округами, постоянной канцелярией и чиновником у каждой двери. Управление было более личным и неоднородным: многое зависело от конкретных людей, их верности, полномочий и способности добиться исполнения.

Такая система давала ресурс, но создавала уязвимость. Если двор признавал нового государя, это помогало провести его решение. Если же местные элиты считали, что власть ослабла, они могли тянуть время, отстаивать собственные права или искать покровителя. Поэтому Василию было важно не только получить великокняжеский титул, но и убедить подданных, что его распоряжения не временные.

Соседи не ждали, пока Москва освоится

Особенно ясно разница между унаследованным влиянием и реальной властью проявилась на востоке. В том же 1505 году отношения с Казанью резко обострились. Хан Мухаммед-Амин, прежде связанный с Москвой, выступил против русских: нападение на русских купцов в Казани сопровождалось походом к Нижнему Новгороду. Это превратило напряжённость в военное столкновение.

Соблазнительно объяснить всё тем, что Казань решила воспользоваться смертью Ивана III. Совпадение по времени действительно выразительно: Москва переживала смену государя, а её прежнее влияние подверглось испытанию. Но сводить действия хана только к этому совпадению было бы слишком просто. У Казани были собственные интересы и своя политика. Важнее другое: прежнее московское влияние не обеспечило автоматического продолжения прежнего порядка.

В 1506 году Василий организовал ответный поход на Казань, но военная экспедиция завершилась тяжёлым поражением. Для молодого князя это стало наглядным уроком: возможность собрать войско ещё не означает, что оно победит; приказ отправить полки — только начало военного дела. Нужны опытные воеводы, согласованное действие сил и понимание противника. Политическая власть проверяется не намерением, а результатом.

На западе также не было спокойной пустоты. После войны с Великим княжеством Литовским было заключено перемирие 1503 года, рассчитанное примерно до 1509-го. Оно признавало новые территориальные приобретения Москвы, но не снимало всех противоречий: Смоленск оставался литовским, пограничные притязания сохранялись. В 1506 году умер литовский великий князь Александр, и смена правителя меняла условия будущих переговоров. Для Василия это означало необходимость продолжать дипломатическую работу, а не просто хранить старый договор как документ в сундуке.

Договор — это не заклинание. Он действует, пока стороны видят в нём пользу, пока его условия можно защищать и пока изменившаяся обстановка не заставила участников искать новый расчёт. Поэтому наследство во внешней политике включало одновременно обязательства и неопределённость. Василию следовало сохранять прежние связи, но не считать их веч-

ными; удерживать достигнутое, но не принимать каждую будущую войну за заранее предре- шённую.

Как превратить право в действующую власть

Василий не мог просто стать Иваном III помоложе. Отец оставил ему политический курс и накопленный опыт, но не готовые ответы на новые обстоятельства. Сыну нужно было доказать, что он способен удержать верховенство, не оставаясь тенью своего предшественника. Для этого требовались не только решения о территориях, но и работа с людьми: поддержка двора, сохранение службы, переговоры с соседями, способность собирать силы в кризис.

В 1505 году Василий женился на Соломонии Сабуровой. Для княжеского дома брак был не только личным событием: от него ждали продолжения династии. Но наследник не появляется по распоряжению, и вопрос будущего престолонаследия не разрешился в день свадьбы. Так рядом с большими государственными задачами существовала задача семейная — тоже политическая, тоже незавершённая.

Полезно читать эту эпоху, различая установленный факт и наше объяснение. Летописи и документы помогают установить даты, решения, походы, договоры. Но они не дают нам свободного доступа к внутренним переживаниям Василия. Поэтому осторожность нового князя — не цитата из его дневника, которого мы не имеем, а вывод из политической обстановки и наблюдаемого порядка действий. Это не делает вывод бесполезным; это делает его честным.

Вот упражнение, которое помогает увидеть логику любой смены власти — в истории или в большом проекте, переданном от одного руководителя другому. Разделите лист на четыре поля: территория, династия, внешние отношения, управление. Для каждого поля запишите три вещи:

1. Что новый руководитель получил уже готовым.
2. Что работало только при условии признания, согласия или регулярного исполнения.
3. Какое действие могло показать, что право стало реальной силой.

Затем отделите сведения из источников от собственных предположений. Такой разбор защищает от двух простых ошибок: считать, что титул автоматически решает всё, и считать, что любой нерешённый вопрос означает слабость преемника. Власть может быть сильной и одновременно незавершённой.

Василий получил от отца великокняжескую власть, земли, службу и внешние связи. Но ни одно из этих приобретений не отменяло необходимости подтверждать их в новых обстоятельствах. Смена государя не завершила политический кризис автоматически: она перенесла на преемника обязанность превратить унаследованные права и ресурсы в признанную и действенную власть. Иван III оставил сыну направление, но не карту с заранее проложенным маршрутом. И чтобы продолжить собирание державы, Василию предстояло самому решать, где договориться, где надавить, а где изменить сам порядок отношений.

Собирать земли: присоединение Пскова, Рязани и упразднение уделов

Представьте зимнюю площадь Пскова в 1510 году. Люди собрались не просто выслушать очередное распоряжение: здесь, на вече, город привык обсуждать дела, выбирать посадников, говорить от своего имени. Над площадью возвышается вечевой колокол. Его звон — не украшение городского пейзажа, а сигнал: сейчас соберётся собрание, и у Пскова будет возможность высказать свою волю.

Когда колокол снимают, тишина означает больше, чем конец одного заседания. Власть над городом перестаёт исходить из его собственных институтов.

Так собирали земли при Василии III. Не одной мерой и не по одному образцу. Где-то Москва упраздняла самоуправление города, где-то устранила князя и брала под контроль его владения, а где-то постепенно стесняла власть собственных родственников-государей. За каждой переменной стоял практический вопрос: кто будет принимать решения, собирать доходы и распоряжаться войском? Но за ним следовал другой: что станет с людьми и порядками, которые прежде жили по местным правилам?

Псков: колокол как политический институт

Псков не был ни вольной демократией в современном смысле, ни обычным городом, подчинённым одному князю. Это была республика с влиятельной верхушкой — боярскими семьями и состоятельными горожанами. Вече служило местом политического решения, посадники участвовали в управлении, а князь занимал особое положение: он мог быть важен для обороны и суда, но его власть не превращала город в наследственное княжество.

Псковская самостоятельность, однако, не означала независимости от соседей. Городу требовались военная защита и политические союзы. Его положение на западной границе делало отношения с Москвой особенно значимыми: рядом находились владения Литвы и Ливонский орден, а граница была не чертой на карте, а местом постоянного риска. Москва могла выступать защитником — и одновременно расширять влияние.

Это влияние нарастало постепенно. Псков обращался к московским великим князьям за поддержкой, принимал назначаемых ими князей, но сохранял собственные органы управления. После присоединения Новгорода к Москве в 1478 году положение Пскова стало ещё уязвимее: крупнейший соседний политический центр уже был устранён, и судьба псковских институтов всё меньше зависела только от самих псковичей.

В 1509 году разногласия вокруг московского наместника и жалобы на управление стали ближайшим поводом для нового кризиса. Споры о конкретных должностных лицах имели значение, но за ними стоял более крупный вопрос: вправе ли Псков сам определять, как устроена его власть, или последнее слово принадлежит великому князю?

В 1510 году Василий III прибыл в Псков. Обстановка была такой, что переговоры трудно назвать разговором равных сторон: за великокняжескими требованиями стояли и высокий статус государя, и его военная сила. На вече псковичам объявили о перемене порядка. Вечевой колокол сняли и отправили в Москву. Самостоятельное вечевое управление было упразднено, а город перешёл под непосредственную власть великого князя.

Вместе с политическими учреждениями изменилось положение местной элиты. Летописная традиция сообщает о высылке из Пскова нескольких сотен семей; приводимую иногда цифру в триста семей следует воспринимать осторожно, но сам факт перемещения влиятельных людей сомнений не вызывает. Для Москвы переселение было инструментом управления: оно ослабляло связи, на которых держалась местная политическая оппозиция, а также помогало перераспределять земли и обязанности. Для семей, покинувших город, это означало

потерю привычной среды, а для оставшихся — изменение правил, по которым решались общественные дела.

Но присоединение не превратило Псков за один день в город, лишённый всякой местной особенности. Его жители продолжали жить и торговать, сохраняли привычные связи и знания, а власти должны были учитывать местные порядки, если хотели управлять, а не только отдавать приказы. Изменился центр принятия решений: вместо вечевых учреждений главную роль теперь играли великокняжеские представители. И всё же власть на месте не могла держаться лишь на присутствии чиновника. Ей нужны были люди, способные собирать налоги, поддерживать порядок, знать окрестности и обеспечивать оборону.

Смысл эпизода с колоколом поэтому не только в том, что у Пскова отняли символ. Было прекращено право городской общины созывать собственный политический центр. Власть перешла от институтов, связанных с местной элитой, к учреждениям, назначаемым из Москвы.

Рязань: княжество между родством и подозрением

Рязанская земля представляла другой случай. Это было не городское самоуправление, а наследственное княжество со своим князем и династией. Его положение определялось не только отношениями с Москвой, но и географией: важная пограничная территория на южном направлении, с городами и крепостями, через которую проходили военные и торговые пути.

Здесь важно не спутать двух князей. Василий Иванович Рязанский правил гораздо раньше — в 1456–1483 годах. При нём связи Рязани с Москвой укреплялись через союз и родство с московским княжеским домом. Это сближение не отменило рязанскую династию, но сделало московское влияние одним из главных факторов её политики. После смерти Василия Ивановича княжеский престол перешёл к его сыну Ивану Васильевичу, а затем — к Ивану Ивановичу, последнему рязанскому князю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.